Все лето 1977 года «Литературная газета» вела дискуссию, на выяснение [illegible] «вреда и пользы» театральных аншлагов. Проблема отчаянную смелость, газета предложила высказаться и Любимову. В те времена дискуссия была способом опубликовать статьи людей, которых просто так, ни с того ни с сего, печатать было опасно, нередко даже, «низзя». А вот в дискуссии... Во-первых, можно и обгрызть при подведении итогов, или, на худой конец, сослаться — дескать, сам набежал, чрезвычайно, пришлось отступить.

Любимову заказали статью. Статьина была довольно скандальной: «аншлаги» некоторых московских театров [illegible] на том, что их билеты продаются «на нагрузку» в билетах Таганки, «Современника» или на спектакли Эфроса. Это был целый цикл для театральных кассиров. Получалось: нетрудовые выгоды бы дитируют угодных.

Любимов отдал статью перед самым отъездом театра на первые парижские гастроли. Может быть, и почему еще не заказали: мигу вас бы давали поспать, но нет никаких ужасающий — всех пинали и любимова [illegible]. Капитал в идеологической борьбе. Но случилось иначе. Едва ступив на французскую землю, Юрий Петрович заявил, что, вернувшись, будет судиться с «Литературной». Они что-то или либо извратили, либо не сократили в прохотном с ним интервью. Рассуждения Любимова о вреде и пользе аншлагов так и не увидели свет.

Аншлаг — плюсы и минусы? Я не критик: мне трудно разложить чужие спектакли по полочкам и судить, этот аншлаг меня радует, а тот — тревожит. «Ну и что,— сказал мне,— а кому-то не нравится, что зритель ходит к вам на Таганку». И действительно, кому-то не нравится.

Я не люблю спорить. Но есть в этом споре моменты, ежно которых бы не дотелось пройти.

Обратить внимание на слова «кубик» вы почему-то любим принимаете с отличным сомнением: дескать, что это за пункт, почему вдруг в нем не учтены экономические соображения. Поверьте, кубик, какими средствами успех достигнут,— безусловно право критика, больше того — его прямая обязанность. Но при этом не стоит иногда забывать, что в театральных [illegible] необязательно серьезное, а что — вовсе наоборот: за ним — не обязательно признак падения творческой нравственности. Что подделать, театр honest, неприкаянным он не оставляет надежды. Художник вот умеет в полной безвестности на свой чердак, но придет время, и его картины увидят сотни экспонатов лучших музеев мира. Мы не художники, не поэты, не композиторы — общаться с ними нет через годы сотворенное нам не дано. То, что не понял, не подценил сегодня, уже не поймут никогда. И в театральном искусстве поэтому, вне зависимости от мнения критиков, все зависит от немедленного признания, то есть от успеха у зрителей. Он решает.

Конечно, одно дело — зависимость многое для нас условности. Но в ней есть и свои преимущества. И прежде всего — преимущество почти мгновенного отклика. Стыд спектакль, я иду от себя, выражаю в нем то, что до сих пор мне казалось важным, [illegible] и театр, которым я рукожму, мои товарищей. И реакция зала подтверждает или отрицает мою правоту. Важно, что это непосредственная и массовая оценка, за ним — сами процессы действительности, сама жизнь. Кроме того, зритель — это еще и влияние, которое в ней дискуссии соизмеряется в его разумственной силе.

Но зритель ведь и подлинный спектатель, когда тот оказывается соцдетальным от интересов. Он заподозрит в нем такие запасы общественной, национальной, эстетической энергии, о которых и сам тебе порой не догадываешься. В книге Бутова есть такие прекрасные чудные возможности [illegible] «Короля Лира» и еще одно важный момент. Зарождающееся в искусстве, пик все живое, пробивающее плотины, ставшие [illegible] ростки, возникает на земле поле, или степень проклевывается на яйце. Это острота бодрящая, она неудобна, кажется [illegible] сдаточности, на [illegible] возможно уплотнение — стадность, острое — притупить. А это сделать легко и в искусстве, и в природе по-разному при своем появлении чаще всего бесшумно. Попробуйте-на выдернуть с корнем стоящий дуб. А с едва проросшим молодым справится даже ребенок. В театре, если зритель отличнулся на ремесленном [illegible] — быстро наблюдение спектакля, в основном могучей защитник. Мы на Таганке в своей сложный начальный период нельзя реальную силу такой подмогой, мы видели обвалы [illegible] зрителя, который нас поддержал в нас поверил тогда.

Я говорю все это и без меня известные вещи лишь потому, что выражение в участников дискуссии сосредоточились прежде всего на отыскании «минусов», подпрыгивание отношение к успеху влияют на подход к целым процессам, а не только отдельным явлениям в театре. Проявляет в спорном то, о чем я спорить, казалось бы, странно. Вот раздается сетования, что найденное одними, как только зритель подтвердит ценность находки (успех!), немедленно перехватывается другими, тиражируется, дополняется и таким образом обесценивается. Верно. Но что из этого? И главное, как может быть иначе? Режиссер — не средневековый ремесленник, передающий на смертном одре старшему сыну свой специальный секрет. Все, что он делает, — открыто другим и неизбежно станет другими усваиваться. Таков ход театральных процессов. И все, что мы прежде считали общим достоянием театра, порождено не какой-то особой телической субстанцией, но постепенно выкристаллизовалось из творческой практики многих поколений талантливых художников. И разве современный театр был бы таким, каков он сейчас есть, если бы не «расхватал» открытое Станиславским, Мейерхольдом, Брехтом, Вахтанговым?

Мне-то кажется, что, наоборот, мы слишком плохо знаем историю сценических поисков, слишком слабо используем накопленный ею опыт. Огромные возможности, встающие пространства остаются порчему в нашего поля зрения. А обесценивание — оно, конечно, в какой-то момент возникает. Но время все сведет на свои места. Как говорит, вносит свои коррективы.

Не стоит, по-моему, так уж иронизировать и над стремлением театра использовать в своих интересах популярность актеров, покоящуюся на второстепенности всегда умеет прибрать к рукам собранную кем-то толпу. Сегодня наименьшая лишь видимость, в сутью явления осталась традиционная, прежняя.

Или проблема эстрадных влияний на современные режиссерскую [illegible]. И тут есть тенденция видеть простую погоню за сборами и почему-то легким успехом — ведь эстрада так популярна. Все предсказания в сливают, что, минуточка, минуточка, стоп. Пошлость, шаляпенное мышление, потакания отстаивым зрительским вкусам — не эстрады. Пустая развлекательность, уход от социальной проблематики — не все же. Ну зачем же свои грехи видеть на чужие плечи. И откуда такое высокомерие? Не попадая от до — ноты, не в ладу с ритмом, что самое «стереотипы мышления», в котором они обвиняют зрителей?

Эстрада — не второсортное искусство, в искусство сознанию и предназначение. Оно требует фундаментальной [illegible] и, чтобы приняться за [illegible] особенностей его восприятия. Эстрада очень многообразна, подвижна, опыт, накопленный ею, огромен. Стоит ей горевать, что театр сегодня так часто в нему обращается? Что же касается пустой развлекательности, то вольно же подражать пошлым образцам. Рабство — это ведь тоже эстрада, а театру нельзя бы у него кое-что перенять. И прежде всего — как раз остроту проблематики и остроту формы. Вспомните, встали, Чапаева, Фельдмана, их любовь к этому.

Вообще, мы понаивает история, сложные контакты с другими искусствами, уставшими на сцене — для сцены всегда плодотворны. И новое логчи пробивается на стыках жанров, стыках разных видов искусств. Это как на войне — лучше всего пробивается на стыке фронтов. Театр по самой своей природе синтетическое искусство, он всегда ориентировал вовне, он обречен на усвоение чужого. И как бы мы ни старались, влияния эстрады на сцену критическими негодованиями не отменить.

Меня беспокоит другое — наименование сегодня попытки слова поступить в повелевать. Пошла мода. Зачем? Театру не надо передразнивать жизнь, он способен на большее. Он как доктор, как спутники помогает его понять, ну, а это поиск, пусть не ходит.

Своим движением помогать человеку чувствовать мир в его бесконечном богатстве — светом, звуком, музыкой. Она делает уметь выслушать жизнь на всех ее уровнях — от самого бытового до любой философской абстракции. Но если сцена — это поистинетворческие возможности [illegible] все новых и новых структуру, то как только на сей возникнет наивный, как только он из разной возможности превращается в наивное доминирующее, возникает опасность аморфного передразнивания жизни, ослабляются контакты с другими искусствами, сужается круг используемых выразительных средств. И разные художники делаются друг на друга похожими. Стоит вспомнить не такое уж давнее прошлое, чтобы оценить размеры опасности.

Да так это вот выходило, что я все говорю поперек. Настал, очевидно, момент присоединиться к большинству участников этой дискуссии. Могу подтвердить — было время, и мнение спектакля, о котором тут говорили, действительно, реальная и непростая проблема. Хороший спектакль, соприкоснувшись с зрительным залом, довольно скоро может превратиться в [illegible]. Сместятся акценты, перераспределятся соотношение частей, рухнут конструкции — и [illegible] душа спектакля. Отвага же таких нестойкостей? Кто сумел так хорошо все [illegible], которые участники дискуссии склонны винить прежде всего зрительный зал. Неподготовленный зритель, гонящийся за модой, видящий в театре лишь развлечение. Но неужели это оправдывает актеров, в чьи руки после премьеры передается судьба спектакля?

Театру на Таганке — 20 лет. В нормальном обществе и в нормальном время такие события предназначены бы единодушию и гордому маниакальному достоянию мирового. Но — нет. Сейчас нормальное — это не мне сказа, и теперь наши праздники «наслаиваются и разрушаются» и [illegible]

Не у Таганки вся равно юбилей — и вы этого замечательного театра. Вы были свидетелями [illegible] нового времени [illegible] и [illegible] сцену нашу жизнь. Энергия, социальная и эстетическая, которую пробудили спектакли Любимова, не только [illegible] и [illegible]. Она стала частью [illegible] самосознания [illegible] и [illegible] мышления. Она — в нашей сегодняшней [illegible] и [illegible] и в [illegible] теоретических исследованиях.

Как бы ни сложилась будущая Таганка, мы [illegible] [illegible] [illegible]